

2. Евлогий, митр. Путь моей жизни. М., 1994.
3. Назаров М. Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992.
4. Никон (Рклицкий), архиеп. Жизнеописание блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Т. 5, 7. Нью-Йорк, 1959, 1961.
5. Польский М., прот. Каноническое положение Высшей Церковной власти в СССР и заграницей. Джорданвилль, 1948.
6. Троицкий С. О неправде Карловацкого раскола. М., 1992.

*Кравецкий А.Г.
(ИРЯ РАН)*

«РОССИЯ БЛАГОЧЕСТИВАЯ ОТТОРГЛАСЬ ОТ РОССИИ МЫСЛЯЩЕЙ». ПОЛЕМИКА ВОКРУГ ОТЛУЧЕНИЯ Л. Н. ТОЛСТОГО¹

На первый взгляд, обращение к истории взаимоотношений Православной Церкви и Льва Толстого кажется делом не просто неблагодарным, но и вполне бессмысленным. Бессмысленным потому, что основные сюжеты, связанные с этой темой, широко известны, а их интерпретация, как кажется, не может вызвать разных толкований. Действительно, религиозные взгляды Л. Н. Толстого совершенно не православны (об этом он сам неоднократно говорил и писал). Для того чтобы напомнить читателям характер антицерковных высказываний Толстого, приведем лишь одну цитату, из дневника Л. Н. Толстого (запись от 22 января 1909 г.):

«...заявляю [...] что возвратиться к церкви, причаститься перед смертью я так же не могу, как не могу перед смертью говорить похабные слова или смотреть похабные картинки, и потому все, что будут говорить о моем предсмертном покаянии и причащении — ложь. Говорю это потому, что есть люди, для которых по их религиозному пониманию причащение есть некоторый религиозный акт, т. е. проявление стремления к Богу, для меня всякое такое внешнее действие, как причащение, было бы отречением от души, от добра, от учения Христа, от Бога»².

Можно было бы ожидать, что официальное объявление того, что автор этого высказывания находится вне Церкви, должно восприниматься лишь как констатация очевидного факта. Однако мы прекрасно знаем, что акт отлучения и позднейшие синодальные определения, касающиеся Л. Н. Толстого, вызвали в обществе реакцию более чем неоднозначную. Ситуация, когда один из величайших русских писателей совершенно сознательно оказывается вне Церкви, шокировала очень многих как тогда, так и сейчас.

Основной тезис, вокруг которого будут строиться наши дальнейшие рассуждения, сводится к следующему. С церковной точки зрения, действия Синода были вполне безукоризненными. Синод лишь констатировал, что Л. Н. Толстой «не при-

¹ Настоящий доклад подготовлен на основе материалов книги: «Между проповедью и диалогом. Церковная миссия в эпоху культурных перемен», которая должна появиться в издаваемой Круглым столом по религиозному образованию и диаконии книжной серии «Церковные реформы. Дискуссии в Православной Российской Церкви начала XX века (Поместный Собор и предсоборный период)». Работа выполнена при поддержке итальянского фонда Russia Cristiana.

² Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 57. М., 1952. С. 16.

кровенно, но явно перед всеми, сознательно и намеренно отторг себя от всякого общения с Церковью Православной». Однако общество увидело в этом послании не церковный акт, а попытку государства при помощи послушного ему Синода заткнуть рот великому писателю. И участники дальнейших дискуссий, посвященных взаимоотношению Толстого и Церкви, стояли на одной из этих двух позиций. Услышать друг друга были способны лишь единицы.

Религиозно-философские собрания

Кажется, первая попытка внепартийного осмысления акта отлучения Толстого была предпринята во время религиозно-философских собраний, на деятельности которых остановимся более подробно. Для участников собраний эта тема была очень болезненна, и при этом почти никто из выступавших не видел в синодальном акте содержательных ошибок. Споры вызывал лишь вопрос о том, насколько этот акт был целесообразен. Позицию тех, кто полагал, что, отлучив Толстого, Церковь наконец-то обрела свой голос в общественной жизни, озвучил В.А.Тарнавцев: «Здесь Церковь совершила акт огромного нравственного значения: *Россия благочестивая отторглась от России мыслящей*. Никогда за всю свою историю Синод не был таким верным выражителем истины христианской, как в этом публичном свидетельствовании об отпадении Толстого»³.

По мнению епископа Сергея (Страгородского), Толстого не следовало бы официально отлучать, так как он, подобно Юлиану Отступнику, сам отошел от Церкви. Хотя, конечно же, формальное отлучение по своему внутреннему смыслу было бы гораздо менее трагично, чем та простая констатация отпадения от Церкви, о которой говорилось в определении Синода. Вообще, вопрос о целесообразности этого синодального акта волновал многих выступавших. Ф. И. Беляевский видел смысл отлучения в том, что Толстого теперь не будут принимать за настоящего богослова⁴. Н.Минский недоумевал по поводу того, почему отлучили Л. Толстого, но не отлучили других антицерковных писателей⁵. Однако с тем, что в полемике с культурным обществом Церковь почти всегда терпит поражение, соглашались все. Не случайно протопресвитер И.Л.Янушев сетовал, что взгляды почти всех антицерковных писателей подробно разобраны в духовной литературе, однако этих писателей читают куда более охотно, чем направленные против них сочинения.

В ходе собраний было четко осознано, что перед культурным обществом отлучение Толстого ставит вопросы, на которые непросто найти ответ. «Вникая в это столкновение, — говорил Н. М. Минский, — мы видим, что не можем жить так, как жили до сих пор. Нельзя пользоваться благами культуры, крадучись, урывом, прячась от собственной совести. Мы хотим пользоваться откровенно роскошью мира, роскошью искусства, роскошью науки. Культурное общество хочет жить освященной жизнью, и это стремление, быть может, создало настоящее наше общество. Культурное общество приходит к Церкви как к источнику святости, не с тем, чтобы отречься от плодов культуры, а с тем, чтобы освятить их⁶».

Выступления участников религиозно-философских собраний, конечно же, очень интересны, однако для характеристики общественного мнения того времени

³ Записки Петербургских религиозно-философских собраний (1902–1903 гг.). СПб., 1906. С. 83.

⁴ Там же. С. 96.

⁵ Там же. С. 92.

⁶ Там же. С. 111.

они дают очень немного. Дело в том, что современники воспринимали эти собрания как явление маргинальное. Церковные власти обвиняли участников Собраний в сомнительных с точки зрения православия высказываниях, а далекая от Церкви интеллигенция считала их чем-то реакционным, а потому и недостойным внимания.

Толстой и пиар

Несомненно, что для подавляющего большинства представителей образованного общества Толстой был несправедливо гонимым властителем дум. Такое восприятие вытекало из той совершенно исключительной роли, которую Толстой играл в русской культуре рубежа веков. Для того, чтобы понять причины этого явления, следует сказать несколько слов о том, как русское общество начала XX века воспринимало литературный труд.

Образ писателя-обличителя в русской культуре нового времени занимает особое место. В безрелигиозной системе ценностей русской интеллигенции он играет роль пророка-обличителя. В общественном сознании существовал стереотип «правильного» писательского поведения. Он борется за правду, выступает против общественной лжи, находится в оппозиции государству и т. д. И нужно сказать, что жизнь Толстого (по крайней мере, в последние десятилетия) идеально соответствовала этому общественному стереотипу. В последние годы жизни Толстойвольно или невольно ведет себя как кинозвезда, т. е. все больше ориентируется на читателя газет, делая свою частную жизнь все более публичной. Он публично пашет и косят, публично каётся в происхождении, публично обличает власть и Церковь. Вся его жизнь постепенно становилась гениальной пиаровской акцией, поэтому и полемизировать с ним было возможно лишь прибегая к тому, что сейчас называют политическими технологиями (а в начале XX века церковная власть владела ими несравненно хуже, чем в начале XXI). Учитывая это, не стоит удивляться тому, что читатели газет, на которых и была ориентирована публицистика Л. Н. Толстого, оказались на его стороне. Он был гениальным писателем, но отнюдь не мыслителем. Философские построения Толстого состоят преимущественно из общих мест. Но парадоксальным образом это оказывалось скорее достоинством, чем недостатком, поскольку именно этот уровень соответствовал запросам массового читателя.

Созданное Толстым шоу собственной жизни продолжалось и после его кончины, о чем, в частности, свидетельствует дневник Валентина Булгакова (запись от 7 ноября 1912 г.): «Годовщина смерти Льва Николаевича. Был на могиле. Нехорошо: крестьяне, стоя около могилы на коленях, пели “вечную память”, а кинематографщик снимал их. Что это за молитва под кинематограф! Только развращение для крестьян. Я видел, они уже научились немного позировать...»⁷

Получалось так, что любое событие, связанное с Толстым, автоматически приобретало характер публичного действия.

Обнародовав акт об отлучении, Синодвольно или невольно ввязался в информационную войну со Львом Толстым. И не подлежит никакому сомнению то, что эта война была Церковью проиграна.

⁷ Булгаков В. В осиротевшей Ясной поляне (Заметки из дневников 1912–1919 гг.) // Голос минувшего на чужой стороне. Париж, 1926. № 3.XVI. С. 117–118.

Торжества 1908 года

Споры вокруг Толстого никогда не затихали, но наиболее сильный всплеск общественного интереса пришелся на 1908 г., когда ряд общественных организаций и органов местного самоуправления объявили о праздновании юбилея Толстого. Петербургская дума решила приобрести для всех школ города портрет Толстого⁸, а Московская дума организовала по этому поводу школьные праздники⁹. Тогда же в газетах стали появляться сообщения о том, что церковные власти собираются снять отлучение¹⁰. Само собой разумеется, Церковь должна была каким-то образом на это реагировать. На IV миссионерском съезде доклад о мерах, которые необходимо принять в связи с юбилеем Л. Н. Толстого, делал И. Г. Айвазов. В результате было постановлено обратиться в Синод с просьбой об издании специального послания с призывом не принимать участия в этих торжествах, поскольку юбиляр отлучен от Церкви, а чествование «только укрепит графа в ожесточении против церкви и укрепит невозможность его обращения»¹¹. Кроме того, в воскресенье накануне 28 августа в городских церквях предполагалось отслужить молебен по чину в Неделю православия о заблудших. И, наконец, предполагалось издание брошюры, посвященных разбору учения Толстого. Все эти предложения, за исключением молебна о заблудшем, и были реализованы.

Накануне юбилея в «Прибавлениях к „Церковным ведомостям“» появилась статья архиепископа Сергея (Страгородского) «Как православный христианин должен отнестись к предстоящему чествованию графа Толстого?»¹² Свой анализ архиепископ Сергей начинает с того, что предлагает разделять литературное творчество Толстого, которое в основном относится к первому периоду его жизни, и его публицистику. По мнению архиепископа Сергея, празднования посвящены не Толстому-писателю, а Толстому — общественному деятелю. Организация праздников в школах создаст фальшивую ситуацию, поскольку учение Толстого отличается от того, чему детей учат школах. Поэтому православному христианину следует не участвовать в торжествах, а молиться о его обращении. Забавно, что риторическая организация этой статьи архиепископа Сергея напоминает статью Ленина «Лев Толстой как зеркало русской революции», которая появилась чуть-чуть позже. Конечно же, трудно себе представить Ленина штудирующими «Прибавления к „Церковным ведомостям“», но сходство бросается в глаза.

Многие периодические издания поместили протесты против позиции Синода в связи с празднованием этого юбилея. При этом одни полемисты полагали, что богословские построения Толстого не имели особого значения, поэтому на них не стоило бы обращать внимание, а другие же, подобно, например, С. Н. Булгакову, не считали возможным игнорировать богословские взгляды Толстого. По мнению С. Н. Булгакова, принять толстовскую догматику нельзя, но нельзя и ограничиться осуждением: слишком у многих Толстой пробудил интерес к религиозным проблемам.

⁸ Сергий (Страгородский), архиеп. Финляндский. Как православный христианин должен отнестись к предстоящему чествованию Льва Толстого // Прибавления к «Церковным ведомостям». 1908. № 34. С. 1620.

⁹ Айвазов И. Кто такой Л. Н. Толстой (По поводу постановления Московской городской думы чествовать 80-летие Льва Толстого) // Прибавления к «Церковным ведомостям». 1908. № 34. С. 1622.

¹⁰ Позойский С. К истории отлучения Льва Толстого от церкви. М., 1979. С. 115.

¹¹ О занятиях IV Всероссийского миссионерского съезда в гор. Киеве // Прибавления к «Церковным ведомостям». 1908. С. 1787.

¹² См.: Прибавления к «Церковным ведомостям». 1908. № 34.

«Разве борьба с атеизмом и религиозным индифферентизмом не является сейчас самой настоящей и трудной задачей христианства всех исповеданий, всех толков? Ведь не гнушались же первые христианские апологеты стойческой помощью философии, а св. Иустин и Климент Римский учили о христианском влиянии языческих философов? Неужели нельзя постановить Толстого хотя бы на положение этих языческих философов»¹³. С. Н. Булгаков считал, что поскольку разъяснение Синода непосредственно вытекает из акта об отлучении Л. Н. Толстого, его вообще лучше было бы не делать, предоставив каждому возможность самостоятельно решать вопрос об участии в торжествах.

Смерть и отпевание

Как отлученный и не воссоединившийся с Церковью, Толстой был похоронен без церковного отпевания и вне кладбища, т. е. на неосвященной земле. Такие гражданские похороны были точным исполнением его воли. В уже цитированной дневниковой записи от 22 января 1909 г. Л. Н. Толстой писал: «Похоронить меня прошу также без так называемого богослужения, а зарыть тело в землю, чтобы оно не воняло»¹⁴. Однако общественное мнение оказалось неготовым принять такие гражданские похороны. Те, кто считал церковное погребение лишь красивым обрядом, негодовали и видели в отказе от отпевания лишь посмертное надругательство над Толстым. Те же, кто понимал, что само содержание этого чина предполагает, что хоронят члена Церкви, пусть со скорбью, но принимали совершившееся.

«Толстой похоронен был без церковных обрядов, согласно своим убеждениям, — писал в 1911 г. С. Н. Булгаков. — Церковная власть оказалась на этот раз на высоте положения, отнесвшись к этому с достойной сдержанностью. Как ни больно было для людей церковных пережить эти „гражданские“ похороны великого русского человека (всю эту горечь и боль я испытал сам, идя за гробом Толстого), но было бы неизмеримо больнее и хуже, если бы случилось иначе и — путем компромиссов — были бы как-нибудь устроены похороны церковные. Ибо это была бы не любовь и не примирение, это была бы ложь, от которой при жизни столь отвращался Толстой. Это была бы, вместе с тем, кощунственная профанация величественного христианского погребения, которым церковь напутствует своих сынов в иной мир. [...] Совершенно в таком же смысле должен быть разрешен и вопрос о служении православных панихид о нем. [...] Как ни прискорбно для всех церковноверующих появление „гражданских панихид“, но все-таки это лучше профанации церковных. Ведь и „чин“ панихиды, представляющий сокращение погребения, также имеет в виду лишь принадлежащих к Церкви и разделяющих ее верования. И именно поэтому православные панихиды по отношению к Толстому неприменимы как заведомая ложь, которая становится безразлична только при состоянии полного религиозного нигилизма и, следовательно, глубокой чуждости Толстому. Но для таких лиц „гражданская“ панихида как форма манифестации предпочтительнее, как этого и не скрывают наиболее откровенные»¹⁵.

В этой же статье Булгаков ставит вопрос о необходимости составления специального чина келейной молитвы о лице, хотя и связанном с Церковью неизгладимой печатью крещения, но отрекшимся от нее.

¹³ Булгаков С. Н. По поводу разъяснения Св. Синода относительно чествования Л. Н. Толстого // Московский еженедельник. 1908. № 36. 12 сент. С. 28.

¹⁴ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 57. М., 1952. С. 16.

¹⁵ Булгаков С.Н. Толстой и церковь // Русская мысль. 1911. Кн. 1. С. 221.

«Разве борьба с атеизмом и религиозным индифферентизмом, — писал С. Н. Булгаков, — не является сейчас самой настоящей и трудной задачей для христианства всех исповеданий, всех толков? Ведь не гнушились же первохристианские апологеты стоической помощью философии, а св. Иустин и Климент прямо учили о христианском влиянии языческих философов? Неужели нельзя поставить Толстого хотя бы на положение этих языческих философов»¹³. С. Н. Булгаков считал, что поскольку разъяснение Синода непосредственно вытекает из акта об отлучении Л. Н. Толстого, его вообще лучше было бы не делать, предоставив каждому возможность самостоятельно решать вопрос об участии в торжествах.

Смерть и отпевание

Как отлученный и не воссоединившийся с Церковью, Толстой был похоронен без церковного отпевания и вне кладбища, т. е. на неосвященной земле. Такие гражданские похороны были точным исполнением его воли. В уже цитированной дневниковой записи от 22 января 1909 г. Л. Н. Толстой писал: «Похоронить меня прошу также без так называемого богослужения, а зарыть тело в землю, чтобы оно не воняло»¹⁴. Однако общественное мнение оказалось неготовым принять такие гражданские похороны. Те, кто считал церковное погребение лишь красивым обрядом, негодовали и видели в отказе от отпевания лишь посмертное надругательство над Толстым. Те же, кто понимал, что само содержание этого чина предполагает, что хоронят члена Церкви, пусть со скорбью, но принимали свершившееся.

«Толстой похоронен был без церковных обрядов, согласно своим убеждениям, — писал в 1911 г. С. Н. Булгаков. — Церковная власть оказала на этот раз на высоте положения, отнесвшись к этому с достойной сдержанностью. Так ни больно было для людей церковных пережить эти „гражданские“ похороны великого русского человека (всю эту горечь и боль я испытал сам, идя за гробом Толстого), но было бы неизмеримо больнее и хуже, если бы случилось иначе и — путем компромиссов — были бы как-нибудь устроены похороны церковные. Ибо это была бы не любовь и не примирение, это была бы ложь, от которой при жизни столь отвращался Толстой. Это была бы, вместе с тем, кощунственная профанация величественного христианского погребения, которым церковь напутствует своих сынов в иной мир. [...] Совершенно в таком же смысле должен быть разрешен и вопрос о служении православных панихид о нем. [...] Как ни прискорбно для всех церковноверующих появление „гражданских панихид“, но все-таки это лучше профанации церковных. Ведь и „чин“ панихиды, представляющий сокращение погребения, также имеет в виду лишь принадлежащих к Церкви и разделяющих ее верования. И именно поэтому православные панихиды по отношению к Толстому неприменимы как заведомая ложь, которая становится безразлична только при состоянии полного религиозного нигилизма и, следовательно, глубокой чуждости Толстому. Но для таких лиц „гражданская“ панихида как форма манифестации предпочтительнее, как этого и не скрывают наиболее откровенные»¹⁵.

В этой же статье Булгаков ставит вопрос о необходимости составления специального чина келейной молитвы о лице, хотя и связанном с Церковью неизгладимой печатью крещения, но отрекшимся от нее.

¹³ Булгаков С. Н. По поводу разъяснения Св. Синода относительно чествования Л. Н. Толстого // Московский еженедельник. 1908. № 36. 12 сент. С. 28.

¹⁴ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 57. М., 1952. С. 16.

¹⁵ Булгаков С.Н. Толстой и церковь // Русская мысль. 1911. Кн. I. С. 221.

О возможности молитвы за Толстого писал тогда и архиепископ Антоний (Храповицкий). В вышедшей вскоре после смерти Толстого книге он показывал, что и в поздних текстах Толстой во многих вопросах очень близок православию¹⁶. И о шумихе вокруг похорон Толстого он пишет как о трагедии:

«Могла ли утешиться его душа вкушением человеческой славы, столь бурным проявлением покрывшей его погребение? Увы, это внешнее преклонение было скорее оскорблением поэту, нежели честью. Оно имело характер всецело оппозиционный и революционный; между тем, Толстой революции и конституции не сочувствовал, а на первую горячо негодовал. Но даже независимо от сего, что может быть обиднее, когда вас хвалят только для того, чтобы оскорбить или напугать других? А если мы вспомним, что эту погребальную буффонаду исполняли те самые элементы общества, которые 5 лет тому назад кричали и печатали о нем как о сумасшедшем старике, выжившем из ума аристократе, как о дворянской ветоши, на которую нечего обращать внимание, то, судите сами, чем отличается теперешнее его возвышение от того, когда заброшенную подушку и сношенную одежду поднимают на высокий шест и ставят в огороде в качестве пугала для ворон? [...] Над обыкновенным покойником возносят теплые участливые молитвы его близких, а здесь в пышных тостах демонстрантов по разным городам никто о душе умершего и не думал, а все злорадствовали над Церковью и над нами – попами. [...] Некоторые духовные лица хотели ходатайствовать о разрешении проводить его в могилу со священником при пении: “Святый Боже”, как это делается в отношении иноверцев, не имеющих вблизи своего духовенства, но едва ли бы это было допущено окружающими, и потому св. Синод такого ходатайства не удовлетворил. Впрочем, те христиане, которые сохранили в душе своей сострадание к погибавшей душе, могут молить и за нее наедине. [...] В храме возносится молитва только за искупленных Христом чад Церкви, а личное молитвенное дерзновение не знает для себя никаких преград...»¹⁷

Если епископ Антоний и С. Н. Булгаков разделяли теоретически, то были попытки и практических шагов к посмертному примирению Толстого с Церковью. 12 ноября 1912 г. приехавший из Полтавы 27-летний священник Григорий Лаврентьевич Калиновский из Полтавской епархии совершил над могилой Толстого чин отпевания, потом служил панихиду в его спальне¹⁸. Для С. А. Толстой, тяжело переживавшей антицерковную позицию Л. Н. Толстого, это было очень важным.

Излишне говорить, что это отпевание было прямым непослушанием священноначалию. А поскольку практически все, что происходило вокруг Толстого, сразу же становилось достоянием гласности, история о посмертном отпевании попала в газеты и вызвала целую дискуссию, проанализированную в статье Н. Д. Кузнецова¹⁹.

¹⁶ Епископ Антоний вполне сочувственно приводит рассказ Толстого о том, как Иннокентий Аляскинский встретил трех подвижников, которые не знали догматики, а молились так: «Тroe вас, трoe нас, помилуй нас». Он пытался научить их хотя бы «Молитве Господней», но они никак не могли запомнить слова. А когда корабли увозил святителя с острова, то он увидел, что три подвижника бегут за кораблем по воде: они забыли слова. Святитель, увидев, что перед ним святые, махнул рукой и сказал, чтобы они молились как хотят. Епископ Антоний обращает внимание на то, что молитва их догматически вполне корректна (*Антоний (Храповицкий), архиеп.* В чем продолжало отражаться влияние православия на последних произведениях гр. Л. Н. Толстого. Харьков, 1911. С. 20).

¹⁷ Там же. С. 24–25.

¹⁸ Толстая С. А. Дневники: в 2 т. М., 1978. С. 383; Булгаков В. В осиротевшей Ясной поляне... С. 118–120.

¹⁹ Кузнецов Н.Д. Вопрос о молитве за графа Л. Н. Толстого. СПб., 1913.

и рязанского миссионера Н. Краинева²⁰. Авторы доказывают невозможность такого отпевания, что в общем-то несложно. При этом достается не только священнику Г. Л. Калиновскому²¹, но и архиепископу Антонию (Храповицкому).

Следующую по времени попытку пересмотреть отношение к Толстому предприняли участники проходившего в Москве Первого Всероссийского съезда белого духовенства «Живая Церковь» (6–17 августа 1922 г.). Съезд постановил ходатайствовать перед обновленческим Собором о снятии клятв с Л. Н. Толстого²². Правда, на самом соборе этот вопрос не рассматривался.

Весьма показательным кажется реакция на это решение митрополита Сергия (Страгородского), в тот момент примыкавшего к обновленчеству. В послании Сергея ВЦУ от 23 октября 1922 г. говорилось, что он категорически не может принять многих постановлений съезда и называет среди них «снятие отлучения с графа Льва Толстого (другими словами — с толстовства), отрицающего Божество Иисуса Христа, Его рождение от Девы, Воскресение плоти и др., все, что содержится в Символе веры»²³. Жесткая реакция митрополита Сергия, готового в других вопросах идти на уступки и компромиссы, очень показательна. Митрополит Сергий видел в решении о Толстом нарушение догматов, а не эффективный агитационный прием, свидетельствующий о том, что Церковь готова принять то или иное требование времени.

Вне полемических противостояний

Из-за того, что священноначалие и церковные публицисты не умели грамотно воздействовать на общественное мнение, задуманный как средство противостоять антицерковным теориям акт отлучения Толстого привел к тому, что в глазах очень многих почитателей Толстого авторитет Православной Церкви резко упал. И тем не менее, эта полемика, несмотря на свой крайне резкий и нетерпимый тон, имела один существенно положительный момент. О заключался в том, что многие далекие от церкви люди, прежде «официальной церковью» не интересовавшиеся, теперь стали размышлять о христианстве и Церкви.

«Всеми признается, — писал Н. А. Бердяев еще в 1907 г., — что зачинателем религиозного брожения в России является Л. Толстой, он пробил брешь в религиозном индифферентизме русской интеллигенции, и запросы религиозного сознания поставил в центре внимания. За это он был отлучен от Церкви, именно за свои религиозные искания, так как людей просто индифферентных от Церкви не отлучают. [...] Только после проповеди Л. Толстого, силу которой мы видим отнюдь не в отрицании религиозной метафизики, почувствовалось, что к вопросам религиозного сознания нельзя относиться с пассивным индифферентизмом, что освободить религиозную совесть от государственного гнета возможно только при положительном, действенном отношении к религии»²⁴.

И действительно, многие из деятелей начала XX в., совершивших путь от марк-

²⁰ Краинев Н. «Отпевание» Л. Н. Толстого с евангельской точки зрения. Рязань, 1913.

²¹ Имя этого священника Вал. Булгаков обнародовал лишь в 1926 году. Во всех полемических статьях его называют просто «неизвестным священником».

²² Первый Всероссийский съезд белого духовенства «Живая Церковь» // Живая церковь: православно-христианский журнал, посвященный обновлению Церкви на Евангельских началах. 1922, № 8–9. С. 10.

²³ «Обновленческий» раскол: материалы для церковно-исторической и канонической характеристики / сост. И. В. Соловьев. М., 2002. С. 273.

²⁴ Бердяев Н.А. Sub specie aeternitatis: Опыты философские, социальные и литературные (1900–1906). СПб., 1908. С. 137.

сизма к идеализму и далее — к православной церковности, испытали влияние Л. Н. Толстого. А в советское время, когда его произведения были куда более доступны, чем труды христианских апологетов, оказалось, что книги, за которые Толстой был отлучен, для многих стали толчком, в конечном счете приведшим бывших пионеров и комсомольцев в Церковь.

Некоторые выводы

Синодальное определение об отлучении Л. Толстого было не только безупречно догматически, но и явилось актом глубоко нравственным. И тем не менее следует признать, что полемика со Львом Толстым оказалась самым крупным провалом миссионерской деятельности за всю историю Русской Церкви. В этой полемике впервые всталася проблема поиска языка проповеди среди людей, воспитанных на материализме или же позитивизме. Революционно-демократическая пресса начала XX в. имела не только своих читателей, но и владела языком и системой аргументации, способной этих читателей в чем-то убедить. Играть на этом поле церковные полемисты совершенно не умели. И в результате сила авторитета Толстого работала против Церкви. А как показал послереволюционный опыт чтения Толстого людьми, получившими атеистическое воспитание, путь от его публицистики к православной церковности был не таким уж длинным. Для многих советских людей книги Толстого стали толчком по направлению к православию. Что, кстати говоря, хорошо чувствовали мыслители начала века, вроде С. Булгакова и Н. Бердяева.

XV

Е Ж Е Г О Д Н А Я

БОГОСЛОВСКАЯ

КОНФЕРЕНЦИЯ

ПРАВОСЛАВНОГО СВЯТО-ТИХОНОВСКОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ТОМ I

МОСКВА

Издательство Православного Свято-Тихоновского
гуманитарного университета

2005

УДК 26(063)
ББК 86.372
К 65

Главный редактор
Протоиерей Владимир Воробьев

Редколлегия

К.А.Александрова, Л.И.Андрюсова, К.М.Антонов, Г.В.Бежанидзе,
А.В.Вдовиченко, А.А.Гимадеев, А.Б.Ефимов, О.В.Косик,
В.П.Лега (*ответственный редактор*), П.Ю.Малков,
Е.Б.Резниченко, Д.А.Цыганков

- К 65 XV Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: материалы 2005 г. Т. 1. — М.: Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2005. — 389 с.

XV Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета состоялась 20–22 января 2005 г. В работе девяти секций: богословской, исторической, истории и литературы христианского Востока, истории Русской Православной Церкви XX века, филологической, церковных художеств, церковного пения, педагогической, истории православной миссии — приняли участие более 200 докладчиков, многочисленные гости из России и из-за рубежа. В первый том материалов конференции вошли доклады богословской секции.